

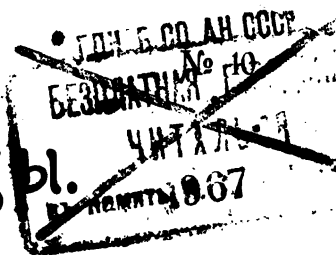

А. Мушкетер

Мая.

1899.

Всходы.

А. С. ПУШКИНЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ и ТВОРЧЕСТВО:

1799 — 1899.

Н. Демидова.

Редакторъ Л. Толяховскій.

Издатель Э. Монтевидъ.

Slav 4350.4.214C

✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 мая 1899 года.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

А. С. ПУШКИНЪ.

I.

Въ родной семьѣ.

Сто лѣтъ тому назадъ, 26-го мая 1799 года, въ Москвѣ случилось событіе, отпразднованное тогда въ тѣсномъ кругу одной семьи, а теперь воспоминаемое всей русской землей: у отставного маіора Сергѣя Львовича Пушкина родился первенецъ-сынъ, Александръ. Этому малюткѣ суждено было сдѣлаться въпослѣдствіи величайшимъ русскимъ поэтомъ.

Маленькій Александръ не былъ первымъ ребенкомъ въ семьѣ Пушкиныхъ: годомъ раньше, когда они еще жили въ Петербургѣ и Сергѣй Львовичъ служилъ въ Егерскомъ полку, родилась у нихъ дочь Ольга. Вскорѣ послѣ того, Пушкинъ оставилъ службу и переѣхалъ съ семьей на житье въ Москву.

Вмѣстѣ съ Пушкиными—Сергѣемъ Львовичемъ и его женой Надеждой Осиповной—переѣхала въ Москву и жившая съ ними мать Надежды Осиповны, Марія Алексѣевна Ганнибалъ. На ея-то долю и выпали главнымъ образомъ заботы о воспитаніи маленькаго внука, потому что молодые Пушкины, мужъ и жена, были люди свѣтскіе, любящіе общество и его развлеченія и мало занимавшіеся воспитаніемъ своихъ дѣтей. Сергѣй Львовичъ былъ человекъ образован-

ный на французскій ладъ, зналъ хорошо французскій языкъ, сочиненія французскихъ писателей, и самъ безъ труда писалъ стихи на этомъ языкѣ. Этими стихами украшалъ онъ альбомы великосвѣтскихъ дамъ. Ему бывало не по себѣ внѣ шумнаго свѣтскаго кружка, гдѣ только и чувствовалъ онъ себя

Домъ на Нѣмецкой ул. въ Москвѣ, гдѣ родился Пушкинъ.

отлично, умѣлъ щегольнуть и остроуміемъ, и мѣткимъ словомъ. Супруга его Надежда Осиповна слыла тогда замѣчательной красавицей. Она отличалась особеннымъ типомъ южной красоты, благодаря своему полуафриканскому происхожденію (дѣдъ ея съ отцовской стороны, Ибрагимъ, или Абрамъ Ганнибалъ былъ негръ—извѣстный арапъ, крестникъ Петра Великаго). Она всей душой тоже принадлежала свѣт-

скому обществу, любила выѣзжать и у себя принимать гостей, но, занятая этими разъѣздами, была очень плохой хозяйкой. Домъ Пушкиныхъ предста-

Отецъ Пушкина.

влялъ какой-то хаосъ: въ одной комнатѣ богатая старинная мебель, въ другой пустыя стѣны, даже безъ стульевъ; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня; ветхіе рыдваны съ тощими ключами,

пышные дамскіе наряды и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ и до послѣдняго стакана. Когда у нихъ обѣдало человѣка два-три лишнихъ, приходилось посылать за приборами къ сосѣдямъ. Но этотъ безпорядокъ въ домѣ не мѣшалъ собираться въ гостиной радушныхъ хозяевъ многочисленному обществу: бывали у нихъ и лучшіе писатели того времени: Карамзинъ, Дмитріевъ и Батюшковъ, бывалъ и французскій писатель Ксавье де-Местръ, кромѣ пера ловко владѣвшій и кистью и набросавшій на досугъ портретъ Надежды Осиповны; наконецъ, постояннымъ гостемъ былъ родной братъ Сергѣя Львовича, Василій Пушкинъ, тоже не безызвѣстный у насъ въ то время стихотворецъ.

Собираясь вмѣстѣ, эти лица толковали о литературѣ, декламировали вслухъ стихи или обсуждали журнальныя новинки. Однимъ словомъ, въ домѣ Пушкиныхъ собирались люди передовые, выдающіеся по уму и талантамъ. Но, занятая пріемомъ этихъ гостей, мать маленькаго Александра не могла удѣлять много вниманія тому, какъ росъ и развивался ея мальчикъ, будущій великій писатель. А развивался онъ сначала очень туго: до восьми лѣтъ росъ неповоротливымъ и тупымъ на соображеніе ребенкомъ. Блестящая свѣтская дама, Надежда Осиповна приходила въ отчаяніе отъ мысли имѣть такого неуклюжаго и недалекаго сына и тогда принималась за мальчика, насильно стараясь расшевелить его, заставить быть поживѣе, бѣгать и играть съ товарищами. Но онъ угрюмо высматривалъ только, нельзя ли какъ избавиться отъ непріятной обязанности. Разъ на прогулкѣ, воспользовавшись тѣмъ, что, заинтересо-

вавшись тѣмъ-то, всё о немъ позабыли и оставили въ покоѣ, маленькій Пушкинъ незамѣтно отсталъ и преспокойно усѣлся на отдыхъ посреди улицы; сидѣлъ онъ такъ до тѣхъ поръ, пока не замѣтилъ,

Мать Пушкина.

что изъ окна одного дома на него смотритъ съ веселою улыбкой какая-то дама. «Ну, нечего зубы скалить!» сказалъ онъ съ досадой и отправился домой.

Когда же настойчивыя требованія быть поживѣе превосходили мѣру терпѣнія ребенка, онъ убѣ-

галъ къ бабушкѣ Марьѣ Алексѣевнѣ, залѣзалъ въ ея рабочую корзинку и долго смотрѣлъ на ея работу. Въ этомъ убѣжищѣ уже никто его не тревожилъ, и онъ могъ вволю заслушиваться бабушкиными разсказами про старину помѣщичьей жизни и про любопытную судьбу прадѣда мальчика, царскаго арапа.

Вторымъ другомъ дѣтскихъ лѣтъ Пушкина была крѣпостная старушка, няня его и его сестры, Арина Родіоновна. Въ долгіе зимніе вечера занимала она своего воспитанника-барчука пересказываніемъ простонародныхъ сказокъ, которыхъ знала она безчисленное количество; пѣла пѣсни надъ его дѣтской кроваткой. Не разъ потомъ вспоминалъ Пушкинъ въ своихъ стихахъ эти трогательныя картинки изъ поры его дѣтства: въ комнаткѣ полумракъ, слабо мерцаетъ въ углу лампадка, няня уложила мальчика въ постель и одну за другой разсказываетъ ему сказки, одну другой чуднѣе: и про Полкана-богатыря, и про славнаго Добрыню Никитича, и про страшные Муромскіе лѣса, и про Бову-королевича. Задремлетъ ребенокъ подъ мѣрный сказочный складъ разсказа и сладко заснетъ съ мыслью о чудесахъ волшебнаго міра.

Я дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминанье.
Ахъ, умолчу ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она, духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекрестить меня
И шопотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы...
Отъ ужаса не шелохнусь, бывало;

Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы.
Подъ образомъ простой нечистики изъ глины
Чуть освѣщаль глубокія морщины,
Драгой антикъ *), прабабушкинъ чепецъ,
И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало —
Все въ душу страхъ невольный поселяло;
Я трепеталъ, и тихо наконецъ
Томленье сна на очи упало.
Тогда толпой съ лазурной высоты,
На ложе розъ крылатая мечта,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали;
Терялся я, въ порывѣ сладкихъ думъ,
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней,
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней—
И въ вымыслахъ носился юный умъ...**)

Впослѣдствіи, когда самъ Пушкинъ въ своихъ стихахъ представилъ перепѣвы этихъ слышанныхъ и заученныхъ въ дѣтствѣ пѣсенъ и сказокъ, онъ помянулъ добромъ и дорогіе образы его вдохновительницъ, бабушки и няни. Ихъ лица слились въ его памяти въ одинъ образъ добродушной наставницы въ пѣсенномъ складѣ:

...Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила,
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заморозила!

*) Драгой—дорогой; антикъ—древняя, старинная вещь.

**) Написано въ 1816 г.

Но, кромѣ этихъ двухъ добрыхъ старушекъ, у маленькаго Пушкина была еще одна воспитательница его фантазіи и таланта. Воспитательница эта—природа. Въ узкихъ, кривыхъ улицахъ большого города съ жалкими деревцами кое-гдѣ по бульварамъ, среди однообразныхъ каменныхъ стѣнъ, въ грохотѣ и шумѣ кипучей уличной жизни мало, конечно, такого, что могло благопріятно подѣйствовать на впечатлительную дѣтскую душу; но, какъ только сходилъ снѣгъ, наступала весна, Пушкины поднимались всѣмъ домомъ и переселялись на лѣто въ «подмосковную», т. е. въ подгородное имѣніе Марьи Алексѣевны, Захарово. Это было очень живописное мѣстечко. Забарскимъ домомъ съ флигелемъ тянулся старый садъ съ большимъ прекраснымъ прудомъ, на берегу котораго разрослась группа березокъ, а вдаль открывался видъ на противоположный берегъ, заросшій зеленымъ ельникомъ. Здѣсь для ребенка Пушкина открывался просторъ подышать чистымъ воздухомъ, порѣзвиться на волѣ, полюбоваться на садъ, на рѣку, на зеркальный прудъ. Съ восторгомъ вспоминалъ нозже мальчикъ Пушкинъ въ стихахъ о своемъ милomъ Захаровѣ:

Мнѣ видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
Съ заборами, въ рѣкѣ волнистой
Съ мостомъ и рощею тѣнистой,
Зерцаломъ водъ отражено.
На холмѣ домикъ мой; съ балкона
Могу сойти въ веселый садъ,
Гдѣ старыхъ кленовъ темный рядъ
Возносится до небосклона
И глухо тополи шумятъ.

Между тѣмъ время шло. Нужно было подумать
объ образованіи подраставшаго мальчика. По обы-

Пушкинъ-мальчикъ.

чаю того времени, пригласили для него и его сестры
Ольги учителей-иностранцевъ, и уроки велись не на

русскомъ, а на французскомъ языкѣ. Сначала былъ учителемъ Пушкина знатный, но обѣднѣвшій иностранецъ, французскій графъ де-Монфоръ, чловѣкъ хорошо образованный, музыкантъ и живописецъ. Потомъ его смѣнили другіе наставники. Даже въ родномъ русскомъ языкѣ наставлялъ Пушкина какой-то нѣмецъ Шиллеръ. Пушкинъ учился плохо, но, отличаясь хорошей памятью, схватывалъ все главное изъ отвѣта сестры и потомъ самъ, съ грѣхомъ - пополамъ, пересказывалъ. Замѣтивъ эту уловку, учитель началъ спрашивать Александра прежде сестры, и тогда мальчикъ оказывался обыкновенно совсѣмъ не знающимъ урока.

Вскорѣ для сестры пригласили англичанку миссъ Бели, и Пушкинъ, кромѣ французскаго, долженъ былъ учиться еще и англійскому языку.

На девятомъ году развилась у Пушкина страсть къ чтенію. Прочелъ онъ во французскихъ переводахъ сочиненія древнихъ писателей: жизнеописанія великихъ людей древняго міра въ разсказахъ Плутарха, героическія сказанія грековъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ, а затѣмъ читалъ изъ французскихъ писателей все, что ни подвертывалось подъ руку. Перечиталъ онъ такимъ образомъ почти всѣхъ французскихъ писателей, какіе только были въ богатой библіотекѣ его отца.

Не довольствуясь чтеніемъ, Пушкинъ пробуетъ и самъ писать французскіе стихи. Вздумалъ онъ даже устраивать у себя театръ, въ которомъ единственнымъ актеромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ авторомъ разыгрываемой пьесы бывалъ онъ самъ, а публику изображала собой его сестра. Разъ эта публика недо-

притѣлнымъ свистомъ забрала французскую комедію юнаго автора, подражавшаго французскому писателю Мольеру. Комедія называлась «Похититель» (L'Escamoteur). Тогда маленькій авторъ сочинилъ слѣдующее четырехстишіе на себя:

Dis moi, pourquoi l'Escamoteur
Est il sifflé par le parterre?
Hélas-c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

(Скажи мнѣ, за что освистала публика «Похитителя»? — За то, увы! что бѣдный авторъ похитилъ его у Мольера).

Въ другой разъ, начитавшись торжественныхъ поэмъ въ честь подвиговъ героевъ, маленькій Пушкинъ вздумалъ сочинить шутивное повѣствованіе о войнѣ между карликами и карлицами, но въ тонѣ возвышенной, торжественной пѣсни.

Тетрадку съ этими стихотворными упражненіями увидала какъ-то гувернантка сестры Пушкина и пожаловалась его гувернеру, говоря, что м-г Alexandre занимается писательствомъ вмѣсто того, чтобы учиться. Гувернеръ Шедель сталъ читать стихи и расхохотался. Обиженный авторъ вырвалъ у него изъ рукъ тетрадку и бросилъ въ печку.

Наступало время помѣстить Пушкина въ какое-нибудь учебное заведеніе. Родители думали помѣстить его въ петербургскій аристократическій пансіонъ, который содержали католическія духовныя лица—іезуиты. Но какъ разъ къ этому времени открыто было новое учебное заведеніе для воспитанія юношества изъ знатныхъ фамилій. Подъ это училище былъ отведенъ въ Царскомъ Селѣ дворецъ. Этотъ